

— **ОЛЕГ ПАВЛОВИЧ**, вы много работаете в театре и кино. Что вам ближе?

— На мой взгляд, театр — это одно из последних прибежищ романтики. Сказки. Называй, как угодно. Оживают там какие-то атомы счастья... веры... чуда... Такое предчувствие «дива дивного» есть еще, пожалуй, в цирке. Я это почувствовал в детстве, и желание найти самому это диво привело меня сначала в драмкружок Саратовского Дворца пионеров, а позже — в Москву.

В кино же, как и во всяком другом индустриальном производстве, мир запечатлен глазами режиссера, если он талантлив. Если он не талантлив, то его работа — «повидло», ты, актер, изображаешь уже что-то вторичное. К тому же неизвестно, как тебя режиссер «стилизует». Не все, что ты изображаешь, принадлежит тебе. В кинематографе, разумеется, есть свои преимущества, много преимуществ, но театр для меня роднее. Театр — это жизнь, движение...

— Наверное, поэтому у вас такая тяга к общению с молодежью? Ваша студия молодого актера, например?

— И тяга, и желание отдать ребятам все, что накоплено. Всего себя. Тяга к молодежи, к этим пытливым умам у меня была всегда. Желание отдать ребятам свой опыт, — видимо, чисто возрастная моя тревога. Что поделаешь, если подошел к тому периоду жизни, когда вроде бы перекладывать ответственность не на кого. Я бы назвал это абберацией человеческого зрения в системе этических и нравственных координат. Это есть у каждого человека, когда ему под пятьдесят, когда за все происходящее вокруг тебя отвечаешь ты. Не «вы», а «я». Этот круг проблем волнует меня больше всего.

— Он отражается в работе с начинающими актерами?

— Да, конечно. Но я — о тех же проблемах. У молодости ведь их всегда уйма. И когда я начинал в театре «Современник», наш руководитель Олег Ефремов учил нас искусству правдиво жить на сцене. С тех пор прошло лет двадцать пять, но проблем, увы, не убавилось, а напротив. И мне просто смешны некоторые молодые, которые говорят: «Ваше время было труднее, потому и подвигов было больше». С того дня, как я приехал в Москву, экономическое благосостояние стало в стократ выше, а вот нравственные горизонты... Это и вызывает тревогу. А высшее предназначение искусства — откликаться на эти тревоги.

В этом году я набрал в свою театральную студию 18 человек. Это ваши сверстники, от 17 до 22, вполне зрелые, не говоря уже о тех, кто прошел армейскую закалку. Пока в репертуаре юного коллектива всего лишь один спектакль, называется «Прищучил» по пьесе английского драматурга Барри Киффа. Есть одаренные ребята, но время торопить не стоит, и, чтоб не захвалить их, имена называть не стану.

Но скажу, что те, кто закончил студию два года назад, уже сами прибегают в свободную минуту в наш подвальный и поучают мой нынешний набор. Среди них Сергей Газаров, Саша Марин, Андрей Смоляков, который, казалось бы, ужедохнул «горних высей» кинославы, а ведь душа все равно осталась в театре. Они уже учителя! А думаешь, всего шесть лет прошло с тех пор...

ИНТЕРВЬЮ «МК»

НЕУГОМОННОЕ СЕРДЦЕ

У нас в гостях народный артист РСФСР
Олег ТАБАКОВ

— **В**сякий учитель прививает питомцам что-то главное, на что он способен как педагог. Какими бы вы хотели видеть своих учеников?

— Прежде всего интеллигентными людьми. А в моем понимании интеллигентность есть доброта, умноженная на ум и возведенная в образованность. И еще молодому человеку (не обязательно актерской профессии) необходим талант жить, быть в крепком строю поколения. Болеть этим нынешним — за будущее. Актер же, если он не чувствует себя в этом ряду смолodu, едва ли состоит. Ему просто нечего будет сказать зрителю. Вы почувствуете его фальшь, не пожелаете слушать его неискренних тирад.

Плохо, когда люди «отваливаются» от своего поколения... Попытаться привить ребятам сопричастность к происходящему вокруг — вот моя задача. Только если это честно. А ведь как часто в жизни наблюдаешь «двойную бухгалтерию» в воспитании. Когда существует мораль для школы, мораль для семьи, мораль в отношении друг к другу. Случается, у родителей дела расходятся со словами. Это приводит к тому, что старшие дают пример малодушия, двурушничества. Истинно интеллигентный человек никогда не сподличает, не скажет «да», когда надо сказать «нет».

— Чем объясняется ваш переход к ролям, которые на уроках литературы называют отрицательными?

— Эти образы я вижу в жизни. И способен их сыграть. Показывать отрицательное — это дать толчок к борьбе с ним. Мне мне вас учить. Современная ищущая молодежь встречает в жизни новоспеченных оболмоных, которые еще пальцем о палец не ударили, а уже удобненько расположились на своих диванах. Или моя роль в фильме «Вакансия». Разве не встречаются вам люди, так сказать, на выходе: еще чуть-чуть — и он уже «зам», еще рывок — и он уже «сам».

Но если я все это вижу в жизни, то по-

чему бы мне «это» не показать на сцене или на киноэкране? Не заметить — будет ли это честно с моей стороны? Тем более что у меня к тому есть все данные. Вглядитесь, ведь у меня лицо хозяина жизни... Могли бы догадаться, что я мечтаю сыграть Фамусова, Ричарда III, Сальери.

— Вы затронули проблему чести и выгоды. В 1963 году газета «Советская Россия» опубликовала вашу дерзкую и острую

статью, в которой был брошен вызов плохим киносценариям. Вы предложили бойкотировать их, тогда и хороших фильмов станет больше. Но к тому времени вы, уже известный актер, имели право на выбор, могли отказаться от плохого. А как поступать молодым, начинающим жить людям, которым говорят: сделай это, и ты обретешь почву под ногами, а не сделаешь, так и не начнешь никогда. Если предложенное дело фальшиво? Я имею в виду не только киносценарии.

— Я не изменил статье ни ролями в кино, ни ролями в театре. Я стал требовательнее к своему творчеству и не мог уже смотреть на жизнь прекраснотушно. И вашему поколению могу сказать одно: отрекаться от фальши. Где фальшь, там нет профессионализма. Профессионализм — вот достоинство в любом деле. А когда руку набииваешь на фальшь, то волей-неволей приходишь к дилетантству. Тогда и хорошее дело, стоящее, не спасет тебя. Это везде, в любой работе.

Не жертвуйте своей честью ради выгоды.
— **Олег Павлович**, не было ли в вашей жизни случая, за которым последовала переоценка ценностей?

— Тридцатилетний, я лежал в больнице с инфарктом. А со мной в палате — пожилой мужчина, очень хороший человек. Но он умер... На его место положили другого человека. Это закон больницы жизни. Сам он был из Сибири, в Москве — один, так что общался этот человек только со мной да с врачами. Его положение вызывало меньше опасений, чем у первого, но когда вслед за телеграммой явилась его жена, приехавшая издалека, то почему-то все пошло вверх ногами. Она приходила к нему в полдесятого и плакала. Каждый день приходила плакать: в понедельник, во вторник, в среду, в четверг... А в пятницу, как сейчас помню, он умер. На моих глазах, для меня это было сильным потрясением, и я понял, что лежа, распростертый, на спине, не всегда видишь высокое голубое

небо. Этим небом может оказаться давно не беленный потолок. Вот с тех пор я стал требовательнее относиться к самому себе.

— **НА ЧТО**, по-вашему, способно искусство?

— Я скажу о русском искусстве. Русское искусство дает, вернее, всегда оставляет желание жить дальше. Лучше Льва Николаевича Толстого не скажешь: «Назначение искусства — полюбить жизнь». «Полюбить» — это не значит просто описывать, но реально глядеть на нее... Помните, «Сотри случайные черты, и ты увидишь: мир прекрасен». Ведь большего чуда, чем жизнь, у нас с вами не будет.

— Скажите, пожалуйста, чем вы занимались в последнее время?

— Первое, о чем хочу сказать. Совсем недавно я снялся в фильме «Полет во сне и наяву» доженковской киностудии. Фильм поставил Роман Балоян. Но не о моей роли разговор. А разговор о самом фильме. У меня просто нет слов, чтобы выразить восхищение этой жесткой, серьезной, скупой на киноизыски кинокартине. Очень редко делаю комплименты фильмам, но сейчас подчеркиваю, что молодежь должна обязательно его посмотреть. Это феномен в кинематографе.

Второе. В этом году мы с Авангардом Леонтьевым и Андреем Дроздиным поставили спектакль «Полоумный Журден» по Михаилу Булгакову. Поставили за 18 дней. Правда, не в Советском Союзе, а в Венгрии в порядке творческого сотрудничества.

И третье, самое главное и постоянное мое дело — это работа в студии молодого актера. Я готов пожертвовать многим, чтобы дать жизнь театру двадцатилетних.

— **Что же**, по-вашему, Олег Павлович, должно двигать молодым человеком?

— Не смейтесь, но если человек способен сказать «ах», если он удивляется прекрасному и отвергает низменное, то я верю в его добрые и красивые дела.

Что движет мною? Я себя пока не вычеркнул из числа молодых. Звонят мне глубокой ночью с киностудии и говорят, что на режим надо ехать. Режим — это съемки на заходе или на восходе солнца. Конечно, лучше, когда на заходе: все равно весь день на ногах. И вот встаешь сонный, с первыми петухами и ругаешь себя: «Старик, да полно: тебе ведь не двадцать и не тридцать. Стоит ли?» Вы знаете, стоит. Думаешь: «Так ведь на съемки еду. Сниматься! Играть!» Что может быть лучше, когда при мысли о своей работе говоришь «ах»? Когда сердце, по словам поэта, «маленьким боксером» стучит в груди? И не дает покоя...

Интервью записал

В. ЮНИСОВ,
студент МГУ.